

Алексей Алексеевич Дерябин

В Советское время работал во Внешторгбанке СССР, с 1979 по 1983 был директором советского Евробанка в Париже. Позже возглавлял Правления Югорский банк и других финансовых компаний и банков.

У советских собственная гордость

Помню, как однажды приехал к нам во Внешторгбанк СССР на переговоры президент Chase Manhattan Bank Дэвид Рокфеллер. Банк тогда находился в Копьевском переулке, возле Большого театра. Кстати, до революции в этом доме находилось что-то вроде увеселительного заведения для мужчин.

В банке было две двери. Одна только для иностранцев и высоких гостей, а вторая обычная, для рядовых сотрудников. Так вот, утром, ровно без пяти минут девять к нашему парадному подъезду подъезжают два шикарных лимузина, и из одного выходит Рокфеллер. У нас рабочий день начинался в девять, поэтому все сотрудники в это время бежали на свои рабочие места, боясь опоздать и попасть в какой-нибудь «Комсомольский прожектор», получить выговор и лишиться премии. Поэтому на высокого гостя они не обращали внимания. Дальше самое интересное. Члены свиты Рокфеллера подошли к «иностранной» двери, дернули за ручку и обнаружили, что она закрыта. Сделали ещё несколько попыток — с тем же успехом. Начали стучать — безрезультатно. Наконец минут через пять дверь открылась, в щель высунулась заспанная физиономия нашего милиционера. Было видно, что его разбудили. Недовольный милиционер спросил: «В чём дело? Кто вы такие?» Ему объяснили, что в банк прибыл Рокфеллер. Милиционеру это имя ничего не говорило, и он лишь ответил: «Сейчас проверю». И полез в книгу записи гостей. При этом он бдительно вновь захлопнул дверь перед членами высокой делегации. Сказать, что те были в полном недоумении, значит, не сказать ничего. Но это продолжалось недолго, дверь распаивается, из неё вылетает разъяренный полковник Низенко,

возглавлявший в банке отдел внешних сношений. Он оттолкнул недружелюбного заспанного милиционера в сторону и стал пропускать гостей. Оказывается, Ниженко поручили лично встречать Рокфеллера, но он банально опоздал на работу.

Вечером Рокфеллер устроил для нас приём в американском посольстве. Гвоздём программы стал фильм о том, как его принимали в различных странах мира. Мы увидели, как встречают гостя первые лица государств. В странах Азии и Африки с гирляндами цветов, с оркестрами банкира везли по улицам, где Рокфеллера приветствовал толпы людей. И вдруг видим — на экране наше здание в Копьевском переулке, закрытая дверь, заспанный милиционер и вся последующая сцена встречи. Оказывается, при Рокфеллере всегда присутствует личный оператор с камерой, который снимает для истории каждый его шаг. Можете себе представить, какой гомерический хохот стоял в зале.

Дым над Парижем

Одним из самых ярких эпизодов моей работы в Евробанке стал приезд в Париж в конце 70-х годов заместителя начальника валютного управления Внешторгбанка СССР Федосьи Петровны Евсеевой. Мы все её ученики, а я — самый прямой, так как пришёл к ней на работу во Внешторгбанк.

Евсеева приехала в Париж с секретным заданием. Ей поручили урегулировать долг Чили Советскому Союзу. Ситуация осложнялась тем, что там незадолго до этого в 1973 др. строчку) году случился военный переворот, коммунистического президента Сальвадора Альенде свергли, и к власти пришёл генерал Пиночет. А мы в Чили поставляли много чего, в том числе и по военной линии. Наши специалисты сели, посчитали долги и вывели определённую сумму, которая, по мнению руководства страны, нас бы вполне устроила. Где-то порядка 58 миллионов долларов. Но оставались опасения. Во-первых, новые чилийские власти могут с

нашими подсчётами не согласиться и вообще сказать, что они за долги коммунистического президента не отвечают. И во-вторых, что мы сами не сможем собрать все подтверждающие поставки документы. К тому же некоторые товары были ещё в пути, когда в стране сменилась власть. Дошли они до получателя, не дошли, мы не знали. Да и часть поставленного оружия, очевидно, была уничтожена, поскольку там всё-таки шли серьёзные боевые действия. Но самое главное, что нас беспокоило — с Пиночетом у Советского Союза не было дипломатических отношений. Именно поэтому в качестве посредника в урегулировании долгов был выбран Евробанк. Всё-таки он считался французским, и ему легче было поставить точку в этой истории.

И вот что мы придумали. Одним из директоров в Евробанке был некий мсье Понс. Ему поручили вести переговоры с чилийцами, которых специально пригласили в Париж. Федосья Петровна сидела в соседней комнате, в которой было слышно каждое слово переговорщиков. Я стоял рядом с Федосьей Петровной и шёпотом переводил ей, о чём говорилось. При этом мы предусмотрели каждую мелочь. Например, разработали целую систему условных знаков, с помощью которых вызывали Понса. Например, мы определённым образом постукивали в стенку, не просто так входила в зал переговоров и секретарь с чашкой кофе. Понс сразу понимал, что ему необходимо зайти к нам и получить ценные указания.

Переговоры продолжались несколько дней. Чилийцы прислали заместителя министра финансов и заместителя председателя правления национального банка. Уже новых, назначенных Пиночетом. Понс показывал им сборные ведомости, где все задолженности были расписаны по позициям. Например, такое-то внешнеторговое объединение подписало такие-то контракты на следующую сумму... А Федосья Петровна под каждую поставку привезла с собой реальные бумаги, подтверждающие наши претензии. Все документы пришли в Париж диппочтой, они заняли в банке половину комнаты. Понс их демонстрировал и предлагал

подтвердить каждую позицию. Показывал печати, подписи таможни, всё было на месте. Так же как и сверка расчётов и обоснований. Мы ведь в Москве не знали, как сложатся переговоры, а деньги требуют точности.

Что же происходит дальше? К нашему изумлению, партнёры соглашаются с запрашиваемой нами суммой. К счастью, они не стали глубоко копать. Только попросили сделать несколько уточнений. Потом связались с руководством, чуть ли не с Пиночетом, и тот им дал указание подписать соглашение об урегулировании долга. Федосья Петровна отправила в Москву шифровку, что переговоры успешно закончились и следует ждать поступления денег.

Но подписать — это одно, а получить деньги — совсем другое. Поэтому Евсеевой велено было остаться в Париже ещё на несколько дней, чтобы убедиться, что средства в Москву поступили. Ведь ей нужно было довести дело до конца и отчитаться перед правительством.

Федосья Петровна отдыхала после трудной работы, я показывал ей Париж. Наконец из Москвы приходит шифровка, что деньги получены. Мы перевезли всю кипу финансовых документов в наше торгпредство, чтобы оттуда переправить их в Москву. Федосья Петровна купила билет на обратную дорогу.

Но в самый последний момент с «Большой земли» приходит шифровка с указанием создать государственную комиссию по уничтожению всех документов, касающихся переговоров. То есть той массы, теперь уже бумаги, которая лежала в торгпредстве. Причём в состав комиссии должны войти только те, кто имел прямое отношение к операции, То есть председателем комиссии могла стать Федосья Петровна Евсеева, а единственным членом комиссии — я. Причём уничтожать всё следовало по описи, и нам нужно было предъявить начальству акты о том, что мы уничтожили документы всех внешнеторговых объединений.

И тут мы с Федосьей Петровной слегка приуныли, не представляя, как можно вдвоем уничтожить такую грудку макулатуры. Повторяю, знать о содержимом документов не имели права никто, кроме нас. Пришлось

искать выход. Нас спасло то, что советское торгпредство во Франции находилось в здании, где во время оккупации было гестапо. Естественно, там были и подвалы. Видимо, с пыточными камерами. До войны здание тоже было советским, и немцы выбрали его потому, что под ним оказалась целая система подземных ходов, которые они переделали под камеры. Чтобы всё это подземное хозяйство топить, фашисты установили там печь. Федосья Петровна составляла акты уничтожения, указывая, какой документ отправлять в печь, а я работал истопником, таская пачки с документами в подвал, и, вооружась кочергой, шуровал в топке. Не старушке же кочегарить! Мы жгли документы три дня, практически не вылезая из подвала; еду нам носили прямо туда. Парижане, наверное, обалдели — из трубы над советским постпредством, должно быть, трое суток валил чёрный густой дым.

Наконец всё сгорело. Наш заключительный акт занял несколько десятков страниц, и мы, члены государственной комиссии из двух человек, его подписали. Кстати, после этого за успешно проведённую операцию Федосью Петровну наградили орденом Ленина, а меня в качестве вознаграждения, да ещё по просьбе французов после стажировки оставили в Евробанке. Вот и всё.